

Юдора Уэлти

Благотворительный визит

Холодное утро в самом разгаре, ярко светит солнце. Напротив Приюта для пожилых дам, на самой окраине города, из автобуса выпрыгнула девочка лет четырнадцати, держа перед собой горшок с цветком. На ней была красная куртка, а ее прямые золотистые волосы, ничем не схваченные, свободно падали из-под белой остроконечной шапочки – такую в том году носили все ее сверстницы. Девочка на миг остановилась у одного из густых колючих кустов (которые, по замыслу городских властей, должны были украсить Приют), а затем не спеша побрела к зданию из побеленного кирпича, отражавшему свет зимнего солнца, словно глыба льда правильной формы. Задумчиво поднимаясь по ступеням, девочка брала горшочек то в одну, то в другую руку, а затем поставила его вниз и сняла варежки, чтобы открыть тяжелую дверь.

– Я из «Кэмпфайр-Гёрлз»¹, мне нужно навестить пожилую даму, – сказала она медсестре на вахте. Женщина в белом халате выглядела так, будто сильно мерзла, а ее коротко остриженные волосы поднимались волной на самой макушке. Мариан – девочка – не упомянула о том, что это посещение даст ей как минимум три очка в рейтинге.

– Знаешь ли ты кого-нибудь из наших дам? – спросила медсестра. Она приподняла одну бровь и разговаривала как мужчина.

– Кого-нибудь из дам? Нет, ну то есть любая подойдет, – с запинкой ответила Мариан. Свободной рукой она откинула волосы за уши, как обычно делала, когда садилась за учебу.

Пожав плечами, медсестра встала. «Красивый цветок», – заметила она, пока они с Мариан шли по холлу с закрытыми дверями по периметру в поисках какой-нибудь пожилой дамы.

Под ногами у них вздувался плохо закрепленный линолеум. Мариан казалось, будто она ступает по гребням волн, медсестра же вообще не

¹ Американская молодежная организация, в которую изначально принимали только девочек. – *Прим. пер.*

обращала на это внимания. В холле пахло как внутри старых часов. Ничто не нарушало стоявшей вокруг тишины, пока за одной из дверей какая-то старушка не решила откашляться – раздался звук, похожий на бляенье овцы. Для медсестры это будто стало сигналом. Резко остановившись, она вытянула руку, механически согнула локоть и наклонила корпус вперед – вся эта операция для того, чтобы свериться с часами, стянутыми ремешком на запястье. Затем она громко постучала два раза в дверь, из-за которой донеслось это бляенье.

– Их по двое в каждой комнате, – бросила она девочке через плечо.

– По двое кого? – переспросила Мариан, с трудом соображая. От звука, похожего на бляенье овцы, девочка чуть не развернулась и не убежала.

Дверь перед ними стала постепенно открываться – короткими, равномерными рывками ее тянула на себя старушка из комнаты. Когда она увидела медсестру, пугающая улыбка исказила ее старческое лицо. Мариан почувствовала, как сильная рука женщины с нетерпением проталкивает ее вперед, и увидела в глубине комнаты профиль другой старушки с чепцом на голове, еще старше первой, которая безвольно лежала на кровати, закрывшись покрывалом до подбородка.

– Посетительница, – объявила медсестра и через миг уже шла обратно по холлу.

Мариан словно лишилась дара речи и вцепилась обеими руками в горшок с цветком. Старуха с застывшей на худом лице страшной улыбкой (игравшей роль улыбки приветствия) по-прежнему стояла перед ней в ожидании... Возможно, она даже что-то произнесла. Старушка в постели не сказала вообще ничего и даже не посмотрела на девочку.

Внезапно перед лицом Мариан мелькнула рука, похожая на когтистую птичью лапу, которая взмыла вверх и сорвала белую шапочку с ее головы. В тот же момент другая такая же лапа крепко вцепилась в нее и потащила в глубь комнаты, а еще через миг дверь за девочкой захлопнулась.

– Моя, моя, моя, – услышала Мариан сбоку от себя.

Девочка оказалась в окружении кровати, столика для умывания и стула – в крошечной комнате было слишком много мебели. Все предметы вокруг источали запах сырости, даже голый пол. Девочка оперлась на спинку плетеного стула, на ощупь мягкую и влажную. Сердце в груди билось все медленнее и медленнее, руки холодели, и она не могла расслышать, говорят ли что-то старушки или нет. Она не могла даже ясно разглядеть обитательниц комнаты. Как здесь темно! Оконная штора задернута, а единственная дверь закрыта. Мариан подняла глаза к потолку... Так чувствует себя человек, попавший в логово разбойников, перед тем как его убьют.

– Ты пришла скрасить наше одиночество? – услышала она слова первого разбойника.

У Мариан вырвали что-то из рук – горшок с цветком.

– Цветы! – завизжала старушка. Она в нерешительности держала горшок, – Красивые!

Вторая старушка, в постели, откашлялась и подала голос. «И совсем не красивые», – отчетливо произнесла она, по-прежнему глядя только перед собой.

Мариан внезапно натолкнулась на стул и в конце концов опустилась на сиденье.

– Цветы красивые, – настойчиво повторила первая, – красивые, красивые...

Мариан захотелось, чтобы у нее в руках снова оказался горшок с цветком, – она сама даже не посмотрела на него, перед тем как отдать. Как вообще выглядел этот цветок?

– И пахнут они противно, – резко возразила вторая старушка. У нее выпуклый белый лоб и покрасневшие глаза, как у овцы. Теперь она воззрилась на Мариан. К ее горлу будто снова подступил ком, и она проблеяла: «К-как... тебя... з-зовут?»

К собственному удивлению, Мариан не смогла вспомнить свое имя.

– Я из «Кэмпфайр Гёрлз», – наконец ответила она.

– Берегись бактерий, – снова проблеяла старушка, ни к кому в отдельности не обращаясь.

– Одна такая как раз заходила к нам в прошлом месяце, – сказала первая старушка.

– Бактерия или овца? – как в тумане спросила Мариан, по-прежнему крепко держась за спинку стула.

– Не заходила! – заверещала другая старушка.

– Заходила! Почитала что-то из Библии, нам понравилось! – в ответ закричала первая.

– Кому понравилось? – переспросила старушка в постели. У нее оказался маленький ротик, как у кошки.

– Понравилось нам с тобой! – настаивала другая. – Тебе понравилось! Мне понравилось!

– Нам всем понравилось, – произнесла Мариан, даже не осознав, что она что-то сказала.

Первой старушке наконец удалось поставить горшок на самый верх шкафа, откуда цветок едва ли было видно. Мариан задалась вопросом, как только старушка сумела поставить его туда, как ей вообще удалось дотянуться так высоко.

– Не обращай внимания на старую Эдди, – сказала она девочке. – Ей сегодня нездоровится.

– Ты помолчишь или нет? – донеслось из постели. – Со мной все в порядке.

– Ты придумываешь.

– Знаете, я не могу надолго оставаться, правда, не могу, – внезапно выпалила Мариан. Она посмотрела вниз на влажный пол и подумала, что если ей здесь станет плохо, то им просто придется ее отпустить.

Повозившись, первая старушка наконец устроилась в кресле-качалке – еще один предмет мебели! – и начала качаться. Одной рукой она стала

поглаживать запачканную брошь с камеей на груди. «Как у тебя дела в школе?» – поинтересовалась она у девочки.

– Не знаю... – ответила Мариан. Она попыталась собраться с мыслями, но не получилось.

– А цветы все равно красивые, – прошептала старушка. Казалось, будто она качается все быстрее и быстрее; Мариан никогда не видела, чтобы кто-то так быстро качался.

– Противные, – отозвалась старушка в постели.

– Если мы приносим цветы... – начала Мариан, но осеклась. Она чуть не проговорила, что если девочка из «Кэмпфайр Гёрлз» приносит цветы в дом престарелых, то за такое посещение ей начисляют дополнительное очко, а если она привозит с собой Библию и читает пожилым дамам, то два очка. Впрочем, старушка не слушала, она качалась и смотрела на свою соседку, которая поглядывала на нее в ответ.

– Бедняжке Эдди нездоровится, ей надо принять лекарство, посмотри, – сказала она, показывая мозолистым пальцем на вереницу флаконов на столике, и качнулась так высоко, что ее удобные черные тапки взлетели от пола, как у ребенка.

– Мне не хуже, чем тебе, – ответила старушка в постели.

– Ну да, конечно!

– Я просто умнее тебя, вот и все, – ответила та, покачивая головой.

– Она всегда становится такой упрямой, когда вы все приходите, – с неожиданной доверительностью сообщила первая старушка. Одним ловким движением ноги она остановила кресло-качалку и наклонилась к Мариан. Девочка почувствовала прикосновение ее руки – на ощупь как лист петунии, немного липкий и пристающий к коже.

– Замолчи! Да замолчи ты! – закричала вторая старушка.

Мариан, не сгибаясь, откинулась к спинке стула.

– Когда я была такой же маленькой девочкой, как ты, я ходила в школу и занималась там всем этим, – продолжала первая старушка тем же доверительно-зловещим голосом, – но не здесь, а в другом городе...

– Замолчи! – прервала больная. – Ты никогда не ходила в школу. Ты никуда не уходила и никогда не приходила. Ты никогда нигде не была, только здесь. Ты никогда не рождалась! Ты ничего не знаешь. В твоей голове ничего нет, в твоём сердце, в руках и в той старой черной сумке тоже ничего – ты сама показывала мне! И все равно ты говоришь, говоришь и говоришь, пока я не начинаю чувствовать себя поехавшей! Ты кто вообще? Ты незнакомка, я тебя знать не знаю! Ты, что ли, сама этого не понимаешь? Нет, возможно ли вообще, чтобы они поступали так с кем-то – послали незнакомку, которая качается в кресле и, не унимаясь, несет всякий вздор? Они действительно думают, что я это выдержу – постоянно, изо дня в день, сидеть в комнате с противной старухой?

Девочка увидела, как больная перевела на нее внезапно заблестевшие глаза. В этом задумчивом взгляде читалось отчаяние. Маленькие губы внезапно раздвинулись, обнажив полукруг вставных зубов с коричневатыми деснами.

– Подойди сюда, я хочу тебе кое-что сказать, – шепотом позвала она. – Подойди!

Мариан дрожала, и на какое-то мгновение ее сердце перестало вообще биться.

– Подожди, подожди, Эдди, – вмешалась первая старушка. – Это же невежливо. Ты знаешь, что на самом деле сегодня со старой Эдди?

Теперь она тоже посмотрела на Мариан, одно ее веко низко опустилось.

– Сегодня... – бестолково повторила девочка, – и что с ней такое?

– Она не в себе, потому что сегодня ее день рождения! – сказала старуха и снова начала качаться, тихонько посмеиваясь, будто дала правильный ответ на собственную загадку.

– Вовсе нет! – закричала женщина из постели. – Мой день рождения не сегодня, и никто не знает, когда именно, кроме меня! А теперь не могла бы ты помолчать и больше ничего не говорить, иначе я совсем рехнусь!

Она снова посмотрела на Мариан и сказала, на этот раз мягким, затуманенным голосом:

– Когда мне становится совсем плохо, я звоню в этот колокольчик и приходит медсестра.

Ее рука показалась из-под лоскутного покрывала – крошечная, тонкая, с огромными темными пятнами. Дрожащим пальцем она указала на маленький колокольчик, стоявший на столе посреди разных флаконов.

– Сколько вам лет? – шепотом спросила Мариан. Она стояла вплотную к кровати и теперь отчетливо видела силуэт женщины в постели, со всех сторон, как видят людей во сне. На мгновение старушка заняла все мысли девочки – будто в целом мире не существовало ничего кроме нее. С Мариан такое случалось впервые.

– Не скажу!

Лежащее на подушке старое лицо, над которым склонилась Мариан, медленно сморщилось и перекосилось. Из маленького рта вырвался жалобный стон, как у овцы или, точнее, как у ягненка. Мариан низко наклонилась, ее золотистые волосы свешивались вперед.

– Она плачет! – и повернула блестящее, разгоряченное лицо к первой старухе.

– Это она для тебя, – злорадно ответила та.

Мариан выпрямилась и сделала движение по направлению к двери. Когтистая лапа снова взмыла вверх и чуть не задела ее волосы, но не успела. Девочка натянула шапочку.

– Что ж, вот мы и посидели, – сказала старуха, выходя за Мариан в холл. Затем ее острые пальчики вцепились девочке в спину. «Моя милая, не найдется ли у тебя цента для бедной старой женщины? У нас нет совершенно

ничего – даже цента на конфетку – ничего... Ну, моя милая, хотя бы пятак, хотя бы один цент...»

Мариан резко вырвалась из рук старухи. Затем побежала по холлу, не оглядываясь и даже не посмотрев на медсестру, которая читала за стойкой журнал *Филд & Стрим*². Женщина, после очередного трехчастного движения сверившись с часами, задала по привычке вопрос, который всегда задается посетителям в подобных учреждениях: «Не хотите ли остаться у нас на обед?»

Но Мариан так и не ответила. Она налегла на тяжелую дверь, выскочила на холодный воздух и быстро сбежала по ступенькам. У куста с колючками девочка наклонилась и, пока ее никто не видел, быстро достала спрятанное в укромном месте красное яблоко. В солнечном свете ярко блестели ее золотистые волосы, алая куртка и голые колени, пока она бежала навстречу большому автобусу, быстро катившему по улице.

– Подождите! – закричала Мариан. И, как по королевскому приказу, автобус притормозил у остановки.

Мариан вскочила внутрь и жадно откусила от яблока большой кусок.

² Американский журнал о рыбалке и охоте. – Прим. пер.